

ПОЛИТИЧЕСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Мочалова К. П.,

научный руководитель д-р филос. наук Грицков Ю. В.

Сибирский федеральный университет

Одной из самых востребованных политических технологий XX – начала XXI века стало мифотворчество. В политическом пространстве современной России процесс конструирования мифов необычайно насыщен: множатся попытки сформулировать национальную идею и укрепить легитимность существующего режима, конструируются различные «партийные» мифы. При этом в мифах новой России часто соединяются, казалось бы, плохо сочетаемые между собой мифы СССР и мифы западного мира, например, мифологема о необходимости наведения порядка посредством сильного авторитарного режима соединяется с мифологемой о необходимости обеспечения демократических прав и свобод.

Для более полного понимания ситуации необходимо обратиться к концепции мифа в целом и кратко проследить развитие политических мифов в XX веке.

Если для рационального типа мышления, свойственного Новому времени, миф представлялся сказкой, вымыслом, фантазией, то в первобытных и примитивных обществах миф представлялся как раз наоборот, описанием подлинных, реальных событий, и что еще важнее, событий сакральных, значительных, служащих образцом для подражания. Современные ученые рассматривают миф как способ существования в культуре «священной традиции»: миф есть иносказательная история, трактуемая посредством символических образов, метафор и аналогий реальный, индуктивно обобщенный до архетипичности опыт реализации потребностей общества.

Современный миф может быть целенаправленным, предназначенным культивировать иллюзии, героизму, величие вождя или какой-либо идеи и исходить от идеолога, представляющего какую-либо политическую силу.

Традиционный и современный политический мифы имеет несколько общих черт:

- и те, и другие призваны не только объяснить существующее, но и создать образ новой реальности, которой еще предстоит воплотиться в действительность;
- основным объектом мифологизации в обоих случаях является прошлое данного социума, которое сохраняет свою актуальность для настоящего;
- и традиционные, и политические мифы являются действенной силой, которая организует поведение индивида и человеческих масс. Они реализуются в общественных ритуалах и укрепляют социальные связи, придают осмысленность человеческому существованию, выполняют функции психологической компенсации.

Однако политические мифы, в отличие от мифов архаических, распространяются не устным или рукописным путем, а преимущественно через средства массовой информации.

Стремительное развитие мифотворчества как политической технологии началось в XX веке. Иррациональная мифология XX века пришла на смену рациональной идеологии века XIX, так как лежащая в основе идеологии научная рациональность перестала быть образцом мышления для масс. В отрыве от эмоционально насыщенных исторических фактов, от архетипов коллективного бессознательного идеологическая рациональность оказалась бессильна.

После окончания Первой мировой войны тоталитарные государства (Германия и СССР), установив контроль над СМИ, приступили к построению новых

государственных мифологем, пронизанных эмоциональными, внерациональными компонентами. Как в Германии, так и в СССР был разработан комплекс особых символов и ритуалов, легших в основу мировосприятия простых граждан, создан мистический культ политических лидеров, власть которых основывалась не на рациональных программах, а на харизматическом убеждении массы в правильности выбранного курса.

При этом вера в иллюзии оказалась столь основательной не просто в силу природы человеческого сознания, а в силу постоянно меняющейся ситуации, в которой очутились массы. В своем стремлении как-то устоять в быстро изменяющемся мире массы готовы были поверить всему и не верить ничему. Более того, испытывая невероятные бедствия, которые выпали на их долю во время и после Первой мировой войны, они не возражали быть обманутыми. Иллюзии, мифы явились терапевтическим средством, которое помогает массам избавиться от шоковых ситуаций.

Таким образом, политический миф как средство управления массами с помощью иррациональных мотивов содержит в себе те иллюзии, в которые толпа сама хочет верить. Политическое мифотворчество в этом смысле есть технология «подпитки» надежд масс на воплощение этих иллюзий посредством конструирования и внедрения в массовое сознание новых иллюзорных образов.

Еще одним ярким примером политического мифа XX века является миф о демократии в США как о воплощении «вселенского добра». Идея исключительности возникла у американских колонистов еще в XVII веке. Из представлений о богоизбранности и исключительности (уникальный континент, уникальный народ, уникальный демократический политический строй) вытекало ощущение «особой миссии», возложенной на американцев. Первые переселенцы-пуритане истолковывали ее как спасение истинной христианской веры, спасение своей Церкви. Со временем, по мере обретения США мощи, особенно после Второй мировой войны, идея миссии приобрела светское содержание и стала истолковываться как «спасение всего человечества». Поэтому США в силу своей миссии имеют моральное и фактическое право вмешиваться в дела «недемократических» государств.

В России после падения коммунистической мифологии «вакуум» стал заполняться либеральной политической мифологией, сакральным образом которой стала фигура Б. Ельцина. Однако провал социально-политических реформ привел в массовом сознании к противоречию между мифическим образом власти и ее реальными делами. Это привело к крушению либерального мифа и делегитимизации властных структур. Массы, дезориентированные экономической нестабильностью, запуганные террористическими актами, были готовы к принятию нового мифа. Поэтому новый президент в 2000 году идентифицировался массовым сознанием как олицетворение архетипа Чуда, трансформировавшего первоначальный Хаос в новый социальный порядок, в котором новый лидер – В. В. Путин – персонально несет ответственность за всю нацию. Эта политическая реальность получила название «вертикаль власти».

Создание мифа подкреплялось новыми политическими ритуалами: ежегодными посланиями президента к Федеральному Собранию, регулярными телемостами с жителями страны, пресс-конференциями в Кремле. Была создана партия власти, своеобразным тотемом которой стала фигура «национального лидера». Проводимые «Единой Россией» мероприятия также стали скорее ритуальными, чем политическими, где эмоциональная компонента превалировала над рациональной.

Основой политической риторики стало противопоставление «стабильных нулевых» «лихим девяностым». При этом сам термин «лихие девяностые» было искусственно привнесено в обиход СМИ, придав противоречивому десятилетию реформ

однозначно негативную окраску.

Миф о победе национального лидера над Хаосом успешно просуществовал больше десяти лет. Однако после массовых недовольств результатами выборов в Государственную Думу в декабре 2011 года стало очевидно, что мифологема, неплохо работавшая с начала 2000-х годов, стала утрачивать свою действенность. В информационном пространстве сообщения о неудачах проводимой экономической и социальной политики, бессилия правоохранительной системы стали входить в противоречие с постулатом о наведении порядка в стране.

В связи с угрозой разрушения существующей мифологемы, перед президентскими выборами власти оказалось необходимо объединить массы вокруг определенной центральной идеи. В качестве такой объединяющей идеи, очевидно, был выбран концепт, построенный на традиционном для России архетипическом образе внешнего врага, который стремится внести смуту в политическую жизнь страны и тем самым ослабить российскую государственность.

Важнейшая функция политического мифа состоит в том, чтобы сплачивать «своих», противопоставляя их «чужим», иными словами, культивировать образ внешней угрозы, гораздо более значимой, нежели внутренние противоречия и проблемы. В дореволюционной России противопоставление России и Запада происходило за счет противопоставления «истинной» православной веры католицизму, в СССР – коммунистического строя капиталистическому. В нынешней ситуации используются столетиями закреплённые в сознании россиян мифы о принципиальном противостоянии России и Запада, об особом пути России, обусловленном ее географическим положением между Западом и Востоком. При этом в настоящий момент они актуализируются через прямые или косвенные сообщения о существующем заговоре «мировой закулисы», имеющий целью ослабить суверенитет России, отнять человеческие и природные ресурсы, посягнуть на территориальную целостность страны.

Оппозиционные митинги, начавшиеся в конце 2011 года, посредством СМИ были представлены населению в аналогичном ключе – как попытка прозападных активистов устроить очередную «оранжевую» революцию. Малопонятные большинству населения России митинги, которые организовывали и в которых принимали участие в основном активные интернет-пользователи, были преподнесены как деструктивные начинания «пятой колонны» – соединились традиционный миф о враждебном Западе и относительно новый миф об угрозе возвращения к хаосу 90-х.

Ответом на протестные выступления стала организация аналогичных митингов, но только в поддержку ключевого кандидата, и с привлечением большего количества участников. Важной функцией этих митингов, широко освещенных центральными телеканалами, стало создание так называемого «воображаемого большинства», создание иллюзии коллективного единства, национальной солидарности, порождающей уверенность масс в отсутствии альтернативного выбора.

В современном российском обществе горизонтальные коммуникации ослаблены, информация подается централизованно, в основном посредством телевидения. Активное развитие горизонтальных коммуникаций можно наблюдать лишь в сети интернет. Поэтому развитие интернета и социальных сетей в России может стать основой для двустороннего диалога общества и власти. Постепенное ослабление одностороннего манипулятивного воздействия телевидения должно привести к преодолению существующей мифологии или существенному ее изменению. Однако интернет как медиасредство в России в настоящий момент еще во много раз уступает телевидению, и в ближайшей перспективе коренные изменения вряд ли произойдут.